

Захаревич А.В.,

кандидат исторических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

**Четвертый походный атаман донцов на Кавказской линии в
оборонительный период войны с горцами (1801-1816 гг.), полковник
В.А. Быхалов 1-й: вехи славы – 1804, 1807 и 1812 годы.**

...Французы снова услышали у себя в тылу до боли знакомый им боевой клич «Эгегей вашу маму!» Что, как они уже знали, в переводе с русского означало «Умрем за царя!»...

Из всех героев Отечественной войны 1812г., числившихся по Войску Донскому, но игравших «вторые роли» в силу того, что не выбились в генералы, наиболее незавидная участь постигла полковника Быхалова 1-го. И даже не столько в эпоху 1812 г., т.к. он тогда представлялся к наградам (хотя и не все получил, как это водилось и водится в нашем достославном Отечестве – А.З.) и отмечался в приказах, сколько в дальнейшем, когда он сам и действия его полка стали объектом изучения историков. Ему не повезло даже в том, что в его биографии образовались провалы, и пока мы не взялись за изучение участия донского казачества в Кавказской войне, не было известно, что он был четвертым походным атаманом на Кавказской линии в оборонительный период войны с горцами (1801-1816 гг.), занимая эту должность в течение 1804-1809 гг.

И это было делом наживным: в своих работах я попытался осветить образовавшуюся прореху в биографии нашего героя. Но самая незавидная участь для него заключалась в том, что у него отняли его действительные имя и отчество, т.к. на сегодняшний день сложилась такая ситуация, что одни исследователи его называют **Андреем Ивановичем**, а другие – **Василием Андреевичем**.

Причем Андреем Ивановичем стали его называть еще до революции, в силу того, что в 1911г. вышел в свет сборник, составленный Н.А. Поляковым и М.С. Жировым, где были собраны данные о всех Георгиевских кавалерах-донцах, награжденных орденом с момента его учреждения до 1908г. В ней было уделено место и Быхалову 1-му, который награждался орденом Св. Георгия 4-го класса 26 марта 1813 г., «в воздаяние ревностной службы и отличия, оказанные в сражениях против французских войск». Назывался он в сборнике Андреем Ивановичем [1, с. 63].

Необходимо заметить, что у дореволюционных исследователей не было в обычае, расковычивая документы, ставить перед фамилией участников события инициалы. Инициалов никогда не было и в самом документе, т.к. там указывались после фамилии служебные номера (Быхалов 1-й – А.З.) и всем было понятно о ком идет речь. Это не было оскорбительным, т.к. считалось общепринятым. Имя и отчество всегда значилось в послужных списках офицера.

Поэтому в трудах, написанных мэтрами отечественной дореволюционной историографии мы не встретим инициалов героев 1812г. [2,3,4,5,6 и др.].

Книгу же о донцах-Георгиевских кавалерах снабдили именами и отчествами героев, т.к. она составлялась к 100-летию Отечественной войны 1812г., что потребовало более уважительно относиться к памяти этих людей, тем более, что орден Св. Георгия для русского человека – это было и есть святое!

В силу того, что из двух донских историков, составлявших сборник, имя М.С. Жирова пользовалось славой точного исследователя, писавшего только на основе архивных данных (да и сейчас эта слава идет за ним заслуженно – А.З.), все историки, занимавшиеся историей донского казачества, восприняли сообщение в сборнике о Быхалове 1-м вполне доверчиво, пользовались им в советский период [6, с. 330], и продолжают пользоваться и в последнее время [7, с. 297, 303, 390, 399; 8, с. 266, 273, 319, 323; 9, с. 23-54; 10, с. 110-127; 11, с. 159; 12, с. 30, 46; 13, с. 216 и др.].

На Дону у нас занимались проблемами 1812г. ныне здравствующий В.И. Лесин и уже покойный замечательный краевед Н.С. Коршиков. Они также считали Быхалова 1-го Андреем Ивановичем, считая данные сборника о кавалерах Георгия 1911г. и сборник документов, вышедший в Ростове в 1954г., «столпами», на которые следует опираться. Мне довелось в ГАРО (Государственный архив Ростовской области) более встречаться на протяжении 8 лет с Н.С. Коршиковым. В.И. Лесина мы видели там редко. Николай Семенович на основе открытых им в ГАРО документов написал замечательную статью о участии донцов в Бородинском сражении, которая на то время была лучшей после дореволюционных исследователей [14, с. 151-158]. Естественно, в ней Быхалов 1-й носил инициалы А.И.

В 1986г. Музей-панорама «Бородинская битва» в Москве выступил с инициативой выпустить к 175-летию Бородина энциклопедию. Зачинателем этого дела был сотрудник Института истории АН СССР, доцент А.Г. Кавтарадзе. Донскую составляющую этого несостоявшегося труда должны были написать сотрудники кафедры истории СССР периода капитализма во главе с профессором В.А. Золотовым. При разделении персоналий и историй полков между сотрудниками, мне, наряду с другими героями и полками, достался и «**полковник Быхалов 1-й**» и «**полк Быхалова 1-го**».

После штудирования сборника документов, изданного в Ростове в 1954г., все мы бросились в ГАРО, где засели за изучение послужных списков полученных при разделении героев. К своему удивлению я обнаружил, что есть послужные списки полковника Быхалова 1-го за 1799, 1802, 1804, 1807 гг., но зовется он в них не Андреем Ивановичем, как все привыкли это считать, а **Василием Андреевичем**.

Обратился за разъяснениями к Н.С. Коршикову, «вес» которого в такого рода вопросах был непререкаем. Однако он мне ответил: «Не занимайся ерундой, ищи Андрея Ивановича! Ты же читал в сборнике Пронштейна и Мастеровой, что Быхалов 1-й – это Андрей Иванович!»

Я понимал, что на кафедре мне не позволят провести Быхалова 1-го под настоящими его инициалами. Этому бы воспротивился Н.С. Коршиков. Поэтому назвал его Андреем Ивановичем, чтобы не поднимать «бури в стакане воды». Все было принято, затем отрецензировано Н.С. Коршиковым, а только потом отправлено в Москву. Слава Богу, энциклопедия тогда не вышла, и вопрос, возникший у меня, сам собой потух, т.к. нужно было уже готовиться к защите диссертации об участии донского казачества в войнах с Персией и Турцией в 1826-1829 гг.

С новой силой вопрос о Быхалове 1-м у меня возник, когда я начал работать над докторской диссертацией «Донское казачество в Кавказской войне 1801-1864гг.». С прошествием времени с 1994г., когда она была утверждена на Совете истфака РГУ, я, чувствуя, что можно «утонуть в материале», сузил хронологически тему до 1801-1816гг., выделив в Кавказской войне оборонительный для России доермоловский период. Как ни странно, и в ГАРО, и в РГВИА я снова наткнулся на послужные списки Быхалова 1-го, и снова **Василия Андреевича**.

В РГВИА я работал мало, всего два месяца, в основном черпал в ГАРО, и даже обнаружил искомого ранее Андрея Ивановича (его послужной список за 1802г. – А.З.) [15, лл. 194 об. – 199], но понял, что не мог его найти в связи с войной 1812г., т.к. он умер в Усть-Лабинской крепости на Кавказской линии в 1804г. Причем самого списка А.И. Быхалова, который носил № 2, за 1804г., естественно, найти не удалось, а есть указания на это в послужных списках офицеров его полка, которые можно привести в одной сноске [16, лл. 26 об. – 29; 17, лл. 2 об.- 7; 18, лл. 27 об.-30; 19, лл. 12 об. – 13 и др.].

В вопросе об инициалах Быхалова 1-го мы с Н.С. Коршиковым «преломили много копий». Я пытался переубедить мэтра в его взгляде на вопрос и об удачной попытке, происшедшей за месяц до смерти Николая Семеновича, в одной из своих статей сделал сноску: «В.И. Лесин зачастую ставит неверные инициалы в некоторых случаях, что было замечено нами в беседах с ныне покойным Н.С. Коршиковым. Так, например, полковник В.А. Быхалов 1-й у него проходит как А.И. Быхалов, который никогда до полковника не дослужился, а умер на Кавказе в 1804г. в чине войскового старшины в возрасте 31 года и был всю службу называем Быхаловым 2-м и, естественно, в Отечественной войне 1812г. не участвовал. Это же нам долгое время пришлось доказывать и Н.С. Коршикову, ссылавшемуся на список командиров полков, составленный Н.П. Поликарповым в 1912г., но когда были предъявлены послужные списки В.А. Быхалова, А.И. Быхалова и офицеров его полка, он согласился» [20, с. 67].

Все это дало мне возможность поставить вопрос о том, что Быхалов 1-й, получивший в 1813г. Георгия 4-го класса, **не Андрей Иванович, а Василий Андреевич**. Отстаивал я этот взгляд во всех своих работах, начиная с 2002г. [21, с. 20-21 и др.] и заканчивая 2005, когда написал монографию [22, с. 96-97].

Вся эта канитель с инициалами Быхалова 1-го, на мой взгляд, берет свое начало именно со сборника сведений о донцах-кавалерах ордена Св. Георгия, изданного в Москве в 1911г. Возможно, в этой ошибке не виноват сам М.С. Жиров, пиетет к которому у меня сумел воспитать Н.С. Коршиков, а, скорее всего, это его соавтор – Н.А. Поляков, но от этого легче не становится! «Переименование» имени живого человека именем уже мертвого в 1812г. делает традицию нашего достославного Отечества производить мертвых в «вечно живых» достаточно живучей. Логика состоит в том, что В.А. Быхалов был в 1799г. произведен в полковники, оставался им и в 1802, и в 1804, и в 1807, и в 1812г. и умер, оставаясь в том же чине, в 1815г. Других Быхаловых 1-х на Дону в это время просто не было!

В 2003г. неожиданно у меня появился союзник в лице московского исследователя С.В. Корягина, занимающегося вопросами донской генеалогии. В одном из его выпусков рассматривается вопрос о Быхалове 1-м. Он тоже становится на точку зрения, что **Быхалов 1-й – это Василий Андреевич**. Его аргументация такая: «Первое, что бросается в глаза – даты рождения и смерти Василия Андреевича. Андрей Иванович родился значительно позже (см. ниже его ПС). Теперь посмотрим – что написано в книге «В память столетнего юбилея Имп. Военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия (1769-1869)»: Полковник Быхалов 1-й, награжден Г-4 № 2558 за отличие (с. 78). Второе, конкретных имен и отчеств нет; командиром же полка с номером 1 на этот период был Василий Андреевич (см. выше д. 3294 с указанием дат начала службы и получения 1-го офицерского чина. И наконец, третье. Документы об Андрее Ивановиче (см. ниже) достаточно убедительно показывают, что он умер задолго до начала Отечественной войны» [23, с. 87].

Повествуя о службе Василия Андреевича, С.В. Корягин **обрывает ее на 1799г.**, когда тот в чине полковника выходит с полком на Кавказскую линию, а затем, используя данные В.Н. Королева (тоже ныне покойного ростовского историка, так же называвшего нашего героя Андреем Ивановичем – А.З.), начинает ее с октября 1812г. и доводя до смерти в 1815г.,

объясняя, что за промежуток 1800-1812гг. у него данных нет. Но волею судеб эти данные оказались у нас, т.к. связаны с темой нашей диссертации. Теперь можно эту «дырку» закрыть. До 1807г. для этого можно использовать послужной список, уже нами упоминавшийся [24, лл. 47 об.-48-48 об.-49], а далее нам помогут ежемесячные «Отчеты о состоянии Войска Донского» до 1809г. включительно, а также «Списки штаб-офицерам, состоящим при Войске Донском» за 1810-1811гг. Они дают минимум информации, но позволяют дотянуть события до 1812г. Я использовал их в своей монографии и статьях, поэтому позволю себе изложить события сжато.

Находился Василий Андреевич на Кавказской линии с 1799г. по 5 июля 1802г., обороняя ее от нападений горцев, «много раз прогонял их с потерей с их стороны». Но 28 января 1800г. за случившиеся в полку беспорядки был исключен из службы и осужден в Петербурге военным судом. Проведя при Павле I год в тюрьме, он уже при Александре I, 21 марта 1801г. снова был принят на службу и **возвратился в свой полк**. Уже 1 октября 1801г. он со своими казаками отбросил полчища закубанцев и отбил у горцев награбленную ими добычу [25, л. 11 об.]. В мае 1802г. он с казаками разгромил отряд закубанцев, напавший на казачий пост на правом берегу Кубани, причем лично взял в плен 4-х горцев. По возвращении на Дон, Василий Андреевич 18 июля 1802г. был назначен начальником нижнего и верхнего судов в Аксайском сыскном начальстве, находясь на этой должности до 1 мая 1804г. С этого времени он снова направляется на Кавказскую линию, но уже в должности походного атамана (сначала командует 6-ю полками, затем 9-ю). Со своим полком и полком войскового старшины Аханова, по прибытии на место, ему приходится участвовать в подавлении восстания в Осетии в 1804г. Для этого ему с этими двумя полками приходится спуститься с Линии до Осетии. Полки попали в отряд генерал-майора П.Д. Несветаева, имевшего задачу очистить Военно-Грузинскую дорогу. Вступив в Балтинское ущелье, П.Д. Несветаев назначил В.А. Быхалова 1-го командиром авангарда, в состав которого вошли 400 донских и гребенских казаков, две роты Казанского мушкетерского полка и 2 орудия. С этими силами он 19 сентября 1804г. разгромил в данном ущелье осетин, засевших там под руководством князя Дударуко Дударова, очистил ущелье и сжег замок князя, а 21 сентября разорил аулы жираховских и магалских осетин, поддерживавших Дударука. Затем, двигаясь вперед, В.А. Быхалов овладел местечком Дарьялом и Казбеком, выбив из них осетин, которыми руководил грузинский царевич Парнаоз. 11 октября, у деревни Сионе, авангард Быхалова 1-го снова разбил осетин, направленных против него Парнаозом, положив на месте более 100 человек и взяв в плен 55. Когда же отряд Быхалова продвинулся к Кашаурской горе, осетины разбежались из отрядов Парнаоза и жители деревень от самого Ананура стали выходить к Василию Андреевичу и он их, в который уже раз, приводил к присяге на верность России. 29 октября главнокомандующий в Грузии П.Д. Цицианов сменил его своим отрядом, возвратив донцов на Кавказскую линию. За отличие в этих боях 15 декабря 1804г. Быхалов 1-й был **награжден орденом Св. Владимира 4-й степени** и не в зачет годовым жалованием [22, с. 151-159].

После возвращения на Линию из Осетии для Василия Андреевича начались будни походного атамана в штаб-квартире при крепости Константиногорской (нынешний Пятигорск – А.З.), где он находился вплоть до мая 1809г. [26, лл. 4-4 об.]. О том, что она собой представляла в это время, поможет нам судить макет крепости, находящийся в экспозиции Пятигорского краеведческого музея. Состояли эти будни, в основном, в административной волоките и инспекторских поездках по Кавказской линии в места дислокации донских полков. До 1807г. он частенько должен был посещать военные советы, которыми руководил комендант крепости, генерал-майор П.Г. Лихачев, будущий герой Отечественной войны 1812г. Сам же В.А. Быхалов 1-й, по долгу службы командира полка, помимо прочего, осматривал окрестности крепости, по всей видимости был на Машуке, проверял казачьи посты на Казачьей горке и по окрестностям крепости. - (Макет крепости).

Но в 1807г. это однообразие административной деятельности походного атамана было прервано участием донцов в экспедиции генерала С.А. Булгакова в Чечню. Находясь в главном отряде, бригада донцов под командованием В.А. Быхалова 1-го, с 16 февраля участвовала в разгроме карабулаков у аула Баки-Юрт, 18-го – в бою у деревни Рушной, 21-го – разгроме чеченцев у аулов Чанлыш, Натюгание и Липен-Юрт, а 24-го в Большом Гехинском лесу у реки Валерик разгромила укрепившихся в завалах 3000 чеченцев, сбив их с позиции. В этом бою Быхалов 1-й был ранен пулей в большой палец левой ноги. 26 февраля у деревни Малая Рушна он еще раз разбил чеченцев, но сам был ранен, хотя не потерял ни одного казака. За отличие в этой экспедиции он был **награжден орденом Св. Анны 2-го класса** [27, с. 110-116].

Все было бы хорошо, но после возвращения из Чечни на Линии вспыхнула эпидемия чумы. Одной из ее причин было то, что донцы в период экспедиции захватили у горцев много бурок, которые оказались заражены, ибо чума бушевала в Чечне еще до экспедиции. С эпидемией боролись в течение двух лет, она то вспыхивала, то угасала. Как полки Быхалова 1-го и Аханова 1-го пришли, в такой же последовательности и должны были смениться и уйти на Дон. Весной 1809г. на сборном месте под Новочеркасском было сформировано два новых полка: нового походного атамана полковника Г.В. Грекова 8-го и войскового старшины Молчанова. Но из-за того, что в выпускаемых с Кавказской линии полках снова вспыхнула эпидемия чумы, ни старых полков не вывели с Кавказа, ни новых не повели на Кавказ и до особого распоряжения распустили по домам. Во второй раз новые полки собрались на сборном месте в июне 1809г. и оба явились на Линии 14 июля 1809г. Но в отбывающих полках чума еще свирепствовала, поэтому полк Быхалова 1-го на Дон отбыл только в ноябре, а полк Аханова ушел вообще только в 1810г. [28, с. 40]. Слава Богу, что Василия Андреевича эта зараза не коснулась и он прибыл на Дон, очевидно, в декабре 1809г. живым и здоровым. 1810-1811гг. числился при Войске Донском... Но надо отметить, что выше той должности, на которой он находился на Кавказе (походный атаман – А.З.), он уже за свою жизнь более ничего не добился, не смотря на все свое воинское умение и храбрость, проявленные в 1812 году.

Чувствуя нарастание военной опасности для России, Военное министерство принимало меры по укреплению армии на западных границах. Войско Донское тоже увеличивало свое присутствие, формируя новые полки. Так Воинская Экспедиция Войсковой канцелярии отдала 17 марта 1812г. распоряжение «о наряде и командировании с Дону в город Мозырь двух полков под команду полковника Быхалова 1-го и подполковника Фомина» [29, л. 24]. Но в ходе комплектования полков появились различные нестыковки и накладки и командиром второго полка становится вместо подполковника Фомина войсковой старшина Д.Д. Комиссаров 1-й. Эти два полка, волею судеб, затем в ходе войны 1812г. будут действовать «в связке», разрываясь только ненадолго.

Странно то, что участие Василия Андреевича в эпопее 1812г. сложило в отечественной историографии солидный пласт, но породило в казалось бы простом деле описания его вклада в бои и сражения массу вопросов. И дело тут даже не в споре за инициалы героя, а именно просто в интерпретации излагаемых событий. Так как мы не собираемся рассматривать детально каждый бой, в котором участвовал наш герой, то для общего сохранения канвы событий будем использовать труд московского исследователя С.Е. Калинина, отметив к его чести, что он тоже считает Быхалова 1-го Василием Андреевичем [30]. Если говорить о выходе полка Быхалова 1-го на службу, то это произошло 25 апреля 1812г. Вместе с полком войскового старшины Комиссарова 1-го полк нашего героя выступил из Войска Донского в Белоруссию, в г. Мозырь, где должен был поступить во 2-й резервный корпус генерал-лейтенанта Ф.Ф. Эртеля [30, с. 29].

Двигался Василий Андреевич с двумя полками, будучи старшим по команде, достаточно быстро, т.к. 16 мая отправил М.И. Платову рапорт, гласивший: «Следуя со вверенным мне полком в город Мозырь, прибыл я 15-го числа сего месяца в город Харьков благополучно» [29, л. 46].

Однако эти полки дойти до места не успели в связи с началом войны и по распоряжению П.И. Багратиона вошли в состав 2-й Западной армии. После прибытия 2-й армии к Смоленску полки Быхалова 1-го и Комиссарова 1-го были направлены на усиление передового отряда генерал-майора Е.И. Оленина 1-го, располагавшегося в местечке Ляды [30, с. 29].

Дальнейшие события очень последовательно и подробно изложены в совместной статье двух авторов: В.А. Бессонова (Калуга) и А.И. Попова (Самара), которая является крупным вкладом в освещаемую проблему, т.к. охватывает все действия нашего героя в 1812г. [31, с. 23-54]. Спорными в ней являются только вопросы об инициалах (авторы придерживаются взгляда, что он Андрей Иванович – А.З.) и об участии полка Быхалова 1-го в Бородинском сражении. Причем в своей статье мы будем широко использовать данные этого труда, ибо авторы использовали воспоминания офицеров противника, участвовавших в событиях, и ввели в научный оборот материалы из фондов ГАКО (Государственного архива Калужской области), ранее не использовавшиеся в отечественной историографии. Иногда наше изложение будет переходить в плагиат, ибо документы, приводимые авторами очень показательны, они их открыли, я в ГАКО не работал, поэтому выдавать все это за свое считаю не корректным. Но буду указывать на то, с чем не согласен в их тексте, а остальное использовать как материал, не вызывающий сомнений, ссылаясь на этих авторов.

Более того, А.И. Попов написал о сражении под Медынью 13(25) октября 1812г. отдельную статью, данные которой также будут использованы нами как опорный текст, ибо до него так подробно это сражение никто не описывал [32]. Единственное, что хочется отметить в связи с нашими спорами, так это то, что с прошествием времени В.А. Бессонов, написавший совместную статью с калужскими авторами В.А. Ивановым и М.А. Добычиной, изменил точку зрения на проблему с инициалами и согласился на то, что Быхалов 1-й – это Василий Андреевич [33, с. 139-147]. Сам ли он дошел до этого, или его подтолкнули соавторы – это его дело, но результат налицо! Тем более, что теперь А.И. Попов, ставши доктором ист. наук, пишет уже статьи без соавторов, придерживаясь в вопросе об инициалах старой точки зрения. Это ему не в укор, ибо все остальные его данные серьезные и заслуживают доверия!

Вернемся к изложению темы. Прибывшие из Мстиславля в Ляды полки Быхалова и Комиссарова 26 июля вошли в состав отряда Оленина, ставшего авангардом «левого бокового обсервационного корпуса» генерала Д.П. Неверовского. Оленин приказал В.А. Быхалову «узнать о неприятеле возле Днепра». Во время рекогносцировки 31 июля казаки взяли в плен офицера по квартирмейстерской части, а два французских шпиона донесли своему командованию, что казаки захватили французский отряд из 20 человек во главе с лейтенантом инженер-географом Бутино [31, с. 24]. У С.Е. Калинина об этом сказано: «26 июля партия, высланная от полка для разведки, переправилась в брод через Днепр, при устье реки Берёзки, и захватила производившего рекогносцировку офицера французского генерального штаба, все бывшие при нем планы и бумаги, а также сопровождавший его конвой» [30, с. 29]. Бросается в глаза несоответствие дат, но зато С.Е. Калинин дополняет данные В.А. Бессонова и А. И. Попова важными подробностями. Однако он не правильно понял хронологию изложения соавторов, что вытекает из следующего их предложения.

На следующий день Быхалов известил, что неприятель обнаружен к северу от Ляд в с. Михеевка. 1 августа Д.П. Неверовский (это и есть после 31 июля – А.З.) сообщил начальнику

штаба 2-й Западной армии генералу Э.Ф. Сен-При: «Я строго приказал г-ну Быхалову не позволять распространяться неприятельским партиям для собирания фуража и провианта, но стараться самому в разных местах Могилевской губернии фуражировать и отнимать все средства у неприятеля для дальнейшего продовольствия» [31, с. 24-25]. Мало того, в послужном списке у войскового старшины Д.Д. Комиссарова упоминается о бое, происшедшем 1 августа при местечке Ляды [31, с. 25]. По-видимому, это была схватка местного значения и для отражения нападения французов хватило казаков одного полка. Все силы авангарда Е.И. Оленина 1-го даже не поднимались по тревоге.

Ранним утром 2 августа Быхалов донес, что неприятель «следует к Лядам, где он с полком имеет свое пребывание» [31, с. 25]. Так завязывалось знаменитое «дело под Красным» 2 августа 1812г. Среди многочисленной литературы, как дореволюционной, так и советской нет ни одного связного изложения участия донцов в этом «деле»; все усилия посвящены только описанию героизма русской пехоты в «отступлении львов». Это понятно и значимо! Но что же делали донцы? В лучшем случае в этом пласте трудов указываются наименования частей: полки Быхалова 1-го, Комиссарова 1-го и Грекова 21-го и рота № 1 Донской артиллерии Тацына и их передвижения [34, с. 124-125]. В худшем – говорится, что русская конница была отброшена [35, с. 92-94; 36, с. 193-195; 37, с. 356, 362 и др.].

Ответ дает труд французского историка Анри Лашука. Здесь достаточно подробно изложены действия полка Быхалова 1-го, состоящие в том, что Д.П. Неверовский к утру 2 августа находился в Красном, выдвинув полк Василия Андреевича к Лядам, где утром донцы были атакованы французской кавалерией и отступили к Красному. Далее дается описание боя за Красный, а о казаках говорится, что полки Быхалова 1-го и Комиссарова находились на правом фланге отряда Неверовского. Все их участие в бою ограничилось тем, что они были смяты французской конницей генералов Бодресуля и Домона, опрокинувших вначале Харьковский драгунский полк, а затем и донцов. Вся русская конница вместе с уцелевшей артиллерией в беспорядке бежит с поля боя, оставив пехоту для «отступления львов» [38, с. 503-507]. Причем А. Лашук пытается объективно показать суть дела, но у него все-таки заметен французский патриотизм (и в этом нет ничего сверхъестественного; у нас заметен русский – А.З.). Однако, получалось так, что донцы под Лядами и Красным отличились только тем, что дали себя обратить в беспорядочное бегство, а это читать как-то неприятно!

Искомые же нами строки можно прочесть только в статье В.А. Бессонова и А.И. Попова: «Ранним утром 2(12) августа Быхалов донес, что неприятель «Следует к Лядам, где он с полками (свой и Комиссарова 1-го – А.З.) имеет свое пребывание». По словам лейтенанта К. Веделя, французы «встретили перед Лядами две сильные казачьи толпы, поддержанные конной артиллерией (рота № 1 Тацына – А.З.), и **прогнали лишь после двухчасового боя**». Быхалов, который «около недели бессменно нес ответственную службу в авангарде ген.-майора Оленина, 2 августа», будучи атакован «сильным неприятелем в постах своих у Лядов», с боем отступил к Красному [31, с. 25].

О бое в Лядах сам Д.П. Неверовский докладывал П.И. Багратиону так: «Кавалерия, превосходная в силах и подкрепляемая пехотой, атаковала в Лядах спереди и с обеих (так в документе – А.З.) флангов г. полковника Быхалова, который в порядке отступал до Красного, поддерживаем Харьковским драгунским полком и егерями. Г. Быхалов при сем отступлении, **лично командуя казаками**, с неустрашимостью не только отражал его, но сам нападал, побил до 100 человек, без всякой с своей стороны потери. У Красного расположил я вверенный мне отряд и с решимостью буду в сем месте. ЕСТЬЛИ (так в документе – А.З.) он покусится на дальнейшие предприятия, я не иначе отступлю от одного города, как причинив ему сильный вред. Фланги мои прикрыты, партии посланы на дорогу Романовскую и на правый берег Днепра для открытия движений неприятельских. Баталион егерей с казачьим

полком (50-й Егерский полк и казачий полк Грекова 21-го – А.З.) отправлен осматривать места позади моего расположения, дабы он не смог зайти в тыл» [39, л. 6 об.-7].

У В.А. Бессонова и А.И. Попова тоже приведен отрывок из этого рапорта, но то, что выбрали они, касается действий только одного В.А. Быхалова 1-го [31, с. 25]. Мы же приводим более расширенную цитату, чтобы постигнуть и дальнейшие планы П.Д. Неверовского, повлиявшие на ход боя.

Видя, что позиция в самом Красном неудобна для обороны, Неверовский начал отступать по Смоленской дороге. Отойдя 3 версты за Красный, он сначала выстроил полки дивизии в две колонны, а затем, при атаке неприятеля, замкнул их в каре. Казаки, когда войска стояли в колоннах, стояли на правом фланге, Харьковский драгунский полк – на левом, 5 орудий находились в центре. Почти сразу же налетевшая французская конница перебила расчеты всех пяти пушек, бывших у Неверовского. Ни казаки, ни Харьковские драгуны не выдержали удара значительно превосходящих сил неприятельской кавалерии и поспешно отступили до с. Мерлино, предоставив пехоте в одиночестве совершать свое «львиное отступление». На другой день казаки были оставлены Неверовским в Корытне, откуда затем отошли к Смоленску [31, с. 25].

Исходя из изложенного видно, что В.А. Быхалов 1-й был **героем хотя бы боя под Лядами**, который по заверению самих французов длился в течение 2-х часов. А этого в литературе, вплоть до начала XXI в. как-то не замечалось! И если бой за Красное для русской конницы окончился поражением, то это от того, что как заметил Е.В. Анисимов, «и немудрено – у Мюрата был подавляющий перевес в кавалерии (15 тысяч человек)...» [40, с. 583].

Что касается участия полка Быхалова 1-го в обороне Смоленска с 4 по 6 августа 1812г., то об этом мы имеем только косвенное сообщение в Биографии Дмитрия Михайловича Юзефовича, командира Харьковского драгунского полка (на то время полковника – А.З.), написанной Е. Ястребцовым: «Ю. участвовал в знаменитом отступлении Неверовского из-под Красного к Смоленску (во время которого Ю, несмотря на отчаянную свою храбрость, потерпел поражение от французской кавалерии, превосходившей его численностью в несколько десятков раз); потом, командуя Харьковским драгунским и казачьим Быхалова полками и 4-мя орудиями Донской артиллерии, он участвовал в двухдневной обороне Смоленска, после чего до самого Бородина находился в арьергарде наших армий» [41]. Что они делали все под стенами Смоленска не сказано, но для нас в данном случае важна уже сама фиксация участия...

С 9 по 24 августа полк Быхалова 1-го в составе казачьего отряда 2-й Западной армии, находившегося под начальством генерал-майора А.А. Карпова 21-го участвовал во всех арьергардных делах и стычках с авангардом 5-го (польского) армейского корпуса князя Ю.А. Понятовского, двигавшегося по Старой Смоленской дороге, в том числе 13 августа – при г. Дорогобуже; 15 августа – при д. Лужки; 17 августа – при Вязьме [30, с. 29].

На действия казаков отряда А.А. Карпова 2-го перед Бородинским сражением обратил в свое время в своей монографии В.И. Лесин. Говоря о событиях 24 августа, он пишет: «Едва регулярные полки арьергарда К.К. Сиверса успели расположиться на позиции, казаки уже приняли удар поляков, наступавших на Шевардинский редут по Старой Смоленской дороге. Подробности этого дела донцов не получили отражения в официальных документах, а **может быть, они не дошли до нас**. Ясно одно, что под напором превосходящих сил корпуса И.А. (так у В.И. Лесина, надо Ю.А. – А.З.) А.А. Карпов **отвел шесть своих полков из восьми за деревню Утицу**, где они в ходе Шевардинского сражения предупреждали попытки поляков обойти русские войска на левом фланге. И, видимо, очень успешно, поскольку многие офицеры отряда за подвиги, совершенные в этот день, были удостоены высоких наград, в

частности, сабли с надписью «За храбрость». А остальные два полка – полковника А.И. Быхалова (он сторонник именно таких инициалов – А.З.) и войскового старшины И.В. Грекова 21-го – в это же время «содержали цепь впереди фронта 2-й армии, прикрывая батареи» [7, с. 297].

Далее В.И. Лесин делает акцент на том, что «Шевардинское сражение было главным, но не единственным событием второй половины дня **24 августа**. В то же время французы настойчиво пытались взять село Бородино. И если первый эпизод оказался в центре исследовательских интересов многих историков, то второй остался за пределами их внимания, хотя о нем писали и скромные участники войны, и видные полководцы. По качеству информации для нас особое значение имеет свидетельство М.Б. Баркляя де Толли. Вот что сообщил он М.И. Кутузову в рапорте от 26 августа 1812 года: «Неприятель 24-го числа делал неоднократно усилия овладеть деревнею Бородино, но каждый раз был остановлен в сем предприятии храбрым Лейб-гвардии Егерским и Елисаветградским гусарским полками. Сей последний полк под начальством храброго своего шефа генерал-майора Всеволожского, невзирая на сильное неприятельское нападение и действие его артиллерии, удерживал свою позицию и тем выполнил в точности данное ему от меня приказание – **держаться, сколько бы ни стоило ему, до самой ночи, пока не будет усилен тремя казачьими полками**, обратно ожидаемыми с левого фланга второй армии». Строгость приказа М.Б. Баркляя де Толли – держаться, сколько бы ни стоило» - понятна: надо было выиграть время для завершения инженерной подготовки поля битвы и определить направление главного удара Наполеона. Труднее понять, **о каких «трех казачьих полках**, обратно ожидаемых с левого фланга», **идет здесь речь**. Составитель хроники Отечественной войны 1812г. Н.П. Поликарпов в пояснениях к процитированному рапорту высказал предположение, правда, очень осторожное, что на помощь защитникам Бородина должны были прибыть казаки отряда Власова» [7, с. 297-298].

Этому указанию Н.П. Поликарпова следуют многие исследователи до сего времени, в частности В.М. Безотосный [42, с. 76]. Но В.И. Лесин замечает: «**Это ошибка**. И она легко обнаруживается» [7, с. 298].

Доказывая свое мнение, он пишет: «Я уже отмечал, что регулярные полки Центрального аръергарда П.П. Коновницына, переправившись через Колочу, присоединились к своим корпусам. Казаки же, по свидетельству М.Б. Баркляя де Толли, «остались на левом берегу сей реки для наблюдения и прикрытия правого фланга, **и в сей день, а равно 25-го числа**, препятствовали неприятелю распространиться своею позициею в сию сторону». Выходит, **на левый фланг бородинской позиции они не посылались**, а потому и ожидать их возвращения не приходилось. Не случайно же командующий 1-й Западной армии приказал генерал-майору Всеволожскому «держаться, сколько бы ни стоило ему, до самой ночи» (?) [7, с. 298-299].

Для доказательства своей правоты в поставленном вопросе, В.И. Лесин использует документ ГАРО, хранящийся в фонде Х.И. Попова, первого директора Новочеркасского музея истории донского казачества, который носит название «Участие донских казаков в Бородинском сражении», но не имеет подписи автора. Из него следует, что уже после окончания боя за Шевардинский редут в подкрепление Лейб-егерям и Елисаветградским гусарам **к Бородину были отправлены «Полки Быхалова 1-го и Грекова 21-го**, содержавшие ранее цепь в армии князя Багратиона. Они прибыли к месту назначения лишь с наступлением темноты и **восстановили бой в пользу защитников Бородина**. На другой день (25-го – А.З.) эти полки отошли для прикрытия батарей у села Бородина, а оттуда вернулись на левый фланг 2-й армии» [43, л. 12].

При работе над статьями для невышедшей энциклопедии «Бородинское сражение», о которой шла речь в начале этой статьи, я тоже употребил эти данные в сообщениях о полках Быхалова 1-го и Грекова 21-го, которые достались мне по распределению на кафедре. Н.С. Коршиков настороженно относился к этим сведениям, т.к. они выходят за традиционные представления об участии донцов в Бородинском сражении. Но вот В.И. Лесин рискнул и достаточно логически подвел эти данные под свой сюжет, расширив представления отечественной историографии об участии донцов в генеральной битве войны. На это тем более стоит сделать упор в преддверии 200-летнего юбилея знаменитого сражения. Завершая свои мысли об участии донцов в боях за Бородино 24-25 августа, В.И. Лесин заявляет : «...предстояли трудная ночь в боевом охранении и, как оказалось, еще более напряженный день. А по существу звуки боя не стихали здесь до рассвета 26 августа, т.е. до начала генеральной пробы сил. Поэтому-то и отправили сюда на правый фланг **не три** (отряд М.Г. Власова – А.З.), **а только два полка**, стоявших поближе к селу Бородину» [7, с. 299]. Причем В.А. Быхалов 1-й, будучи старшим по команде (И.В. Греков 21-й был на то время только войсковым старшиной – А.З.), руководил этими двумя полками.

До 2002-2003 гг. в отечественной историографии не существовало вопроса о том, участвовал ли полк В.А. Быхалова в самом Бородинском сражении?! Все историки считали, что полк находился в составе казачьего отряда генерал-майора А.А. Карпова 2-го, действовавшего на левом фланге в районе дер. Утицы, проведя там весь день 26 августа 1812г. В обоснование этого приводился документ под названием «Состав соединенных русских армий при селе Бородино 24-26 августа 1812г.», где в составе иррегулярных войск 2-й Западной армии назван полк Быхалова 1-го и его командир, но под инициалами А.И. [44, с. 321]. А.И. Агафонов в своей новой работе приводит «Список именной Второй Западной армии казачьих полков полковым командирам, отличившимся против неприятеля бывшего 24 и 26 августа 1812 года», подписанный генерал-майором А.А. Карповым 2-м, где отмечается и полковник В.А. Быхалов 1-й [45, с. 124]. Однако этот автор не до конца выбрал позицию: в одних случаях у Быхалова 1-го он ставит инициалы В.А., а в других – А.И. Нужно понять, что речь идет об одном и том же человеке!!!

Когда эти два полка вошли в состав отряда А.А. Карпова 2-го, в самый день Бородина, то об их участии в сражении можно судить, руководствуясь замечанием дореволюционного донского историка Ис. Ф.. Быкадорова о том, что «полки Иловайского 10-го, Быхалова 1-го и Комиссарова, надо полагать, действовали с Московским ополчением» [34. с. 140].

О том, что это было за действие, можно судить по воспоминаниям Ф.Н. Глинки. Он так описывает событие: «Донцы и ополченцы скрыты в засаде. Они раскроют себя, ударив во фланг неприятелю, когда он слишком самонадеянный, начнет обходить позицию слева. Уже запылало в отдаленности... Поляки приближаются, страшные батареи ревут перед ними. Вся окрестность обстреляна. Ядра снуют по воздуху; картечи вихряются. Но вот стальная река штыков и сабель, вот радужная лента уланских значков склоняется вправо... Неприятель намерен обходить – и вдруг высокий лес ожил и завыл бурею: 7000 русских бород высыпало из засады. Со страшным криком, с самодельными пиками, с домашними топорами они кидаются на неприятеля, как в чащу леса, и рубят людей, как дрова!» [Цит. по 45, с. 118]. Понятно, что последнее предложение из цитаты относится на долю ополченцев, но все привыкли, из отечественных историков, видеть среди «русских бород» и донские бороды. И всё всех устраивало касательно 26 августа.

Но вот в 2003г. В.А. Бессонов и А.И. Попов ставят под сомнение сложившийся уже стереотип. Они пишут: «В отечественной историографии до сих пор считается, будто названные четыре казачьих полка (Быхалова 1-го, Комиссарова 1-го, 1-й Тептярский и 1-й Бугский – А.З.) участвовали в Бородинском сражении. В послужном списке Комиссарова сказано, что он был в боях 22,23 и 26 августа при селении Бородино. Однако архивные

документы указывают на то, что в день битвы этих полков не было в составе действующих армий. Так, в рапорте командующего войсками в Калужской губернии генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева калужскому гражданскому губернатору П.Н. Каверину от 2 сентября сообщалось, что **26 августа** полки Быхалова и Комиссарова **разбили у села Воскресенского** (на границе Боровского уезда) партию мародеров, взяв в плен 22 человека. При этом у них было обнаружено церковное имущество, направленное Быхаловым Шепелеву. 26 августа Быхалов отправил рапорт П.И. Багратиону, а Тимиров направил рапорт генералу А.А. Краснову, а также отношение в Юхновский земский суд, при котором препроводил 10 испанцев и 2 поляков, взятых в плен его отрядом. Таким образом, можно констатировать, что указанные казачьи полки не принимали участия в Бородинском сражении» [31, с. 26]. И это не единственное их утверждение, т.к. авторы написали уже достаточно много статей с этой мыслью, особенно усердствует А.И. Попов [32].

Лично я понимаю этих людей, т.к. их находка про то, что эти полки не участвовали в Бородине, сродни моей, что Быхалов 1-й не А.И., а В.А. У них на доказательство их точки зрения есть документы ГАКО (Государственный архив Калужской области: ф. 32, оп. 19, д. 510, лл. 27, 43 и др.), точно так же, как у меня для моего доказательства были документы ГАРО.

Но есть опять элементарная логика! Если принять во внимание указание в документах, что полки Быхалова 1-го и Грекова 21-го принимали участие 24-25 августа в боях за Бородино, то даже если и взять на веру, что П.И. Багратион отправил их вечером 25 августа в Калужскую губернию, то 26 августа они там не могли бы оказаться, ибо даже если бы неслись на рысях, без дневок (что невозможно – А.З.), то **загнали бы коней**, а не то чтобы еще под селом Воскресенским разбили отряд мародеров.

В свете поставленной задачи появилось исследование С.В. Шведова, которое можно использовать как попытку решить эту неудобоваримую ситуацию. Он пишет: « Отряд генерал-майора А.А. Карпова на 17 августа состоял из 8-ми полков. В июле из него выбыли полки Феодосийский конно-татарский, 3-й Бугский (к Ф.Ф. Эртелю), Иловайского 121-го. На их место из 1-й Армии прибыли 1-й Тептярский и донской полк Комиссарова. Мы согласны с Н.П. Поликарповым в том, что эти полки и 2-й Бугский казачий полк, находившийся в конвое Главной квартиры, должны быть учтены среди участников сражения. Судя по наградным спискам офицеров, представленным Карповым, эти полки 24-26 августа были в сражении. Согласно рапорту генерал-майора Карпова за сражение 24-26 августа он представил к награде офицеров 8-ми полков: полковников **Быхалова 1-го**, Иловайского 10-го, Иловайского 11-го, Грекова 21-го, Комиссарова 1-го, Карпова 2-го (Калинина), Мельникова 4-го и Сысоева 3-го. **По рапорту Быхалова 1-го от 31 августа** его полк и Комиссарова 1-го по приказу генерала Карпова **прибыли в Медынский уезд село Товарково** на реке Угре. Расстояние от Можайска примерно в 120-140 верст вполне могло быть преодолено за **3-4 перехода**. Видимо, **в конце дня 26-го августа или на следующий день** два полка двинулись в сторону границы Калужской губернии. Полковник Быхалов не был представлен к награждению (?-А.З.), что позволяет предположить, что его полк двинулся в сторону местечка Полотняный завод **на сутки раньше** (? – А.З.)» [46]. В мыслях С.В. Шведова сначала есть логика, т.е. указание, что Быхалов 1-й и Комиссаров 1-й выступили в конце дня 26 августа или на следующий день и прибыли в Калужскую губернию 31 августа, **пройдя 3-4 перехода в нормальном порядке**. А потом он вдруг снова начинает метаться, утверждая, что полк Быхалова 1-го на Полотняный завод отправился на сутки раньше. Еще один момент: сначала заявляет, что Быхалов 1-й был представлен к награждению А.А. Карповым за Бородино, а затем пишет, что не был?!! Очень хитро излагает!

Тут получается, что в невыгодном свете поданы действия А.А. Карпова 2-го в плане представления командиров полков своего отряда к награждениям. Получается, что и **он был пьян**, как это принято у нас считать о «вихре-атамане» М.И. Платове, в день Бородинского сражения [42, с. 80]. А как же: человека в строю не было, а он его представил к награждению??? И если такое с М.И. Платовым сочинил А.И. Михайловский-Данилевский [47, с. 154], доведший свою байку до М.И. Кутузова, то про А.А. Карпова 2-го никто ничего подобного не придумывал, хотя его представления к наградам тоже не возымели силы! Да и кто вообще из представленных командиров был награжден (это опять к утверждению С.В. Шведова, что В.А. Быхалов «не был представлен к награждению» - А.З.) ???

Вообще необходимо заметить, что исследователи последних лет очень спешат все старое отвергать и заменять его своим, не заботясь о том, что их «новации» не выглядят логически обоснованными... Прежде чем подавать «новацию», надо посмотреть как она смотрится в логическом плане, а то можно будет попасть впросак и здорово «засветиться»!

Мысль, почерпнутая у С.В. Шведова (о прибытии полков в Калужскую губернию 31 августа - А.З.) позволяет все же принять к сведению, что полк Быхалова 1-го все три дня (с 24 по 26 августа) находился на Бородинском поле и принял активное участие в боях на левом фланге русской позиции. Утверждение В.А. Бессонова и А.И. Попова все же надо как-то уточнить, что-то «подправить» в Калуге! Но в то же время она ставит под удар и делает ошибочными утверждения С.Е. Калинина: «27 и 28 августа участвовал в аръергардных боях при г. Можайске» [30, с. 29], тем более это впечатление усиливает установка С.В. Шведова об отправлении полков Быхалова и Комиссарова в Калужскую губернию 26 августа. Шведов делает довольно шаткой позиции С.Е. Калинина и по другой фразе: «а 29 августа откомандирован (полк Быхалова 1-го – А.З.) из 2-й Западной армии в окрестности г. Медыни и поступил в распоряжение начальника Калужского ополчения генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева» [30, с. 29].

По всему видно, что закипает в нашей историографии новый спор, по накалу равный тому, что идет уже более 15 лет по поводу инициалов нашего героя. У каждой стороны есть своя логика, но некоторые построения не выдерживают проверки даже при помощи элементарной ее части. На конференциях, происходящих в центре России на Бородинских торжествах, С.Е. Калинин и А.И. Попов вели между собой даже словесные дискуссии по поводу участия в Бородинской битве полков Быхалова 1-го и Комиссарова 1-го, но ни к чему конкретному они не привели... То что приводят в доказательство своего взгляда А.И. Попов и В.А. Бессонов в указанной статье, кА-то не впечатляет [31, с. 26-27], тем более в свете новых мыслей С.В. Шведова, хотя и у них есть свои изъяны...

Так ли, иначе ли, но два полка прибыли в Калужскую губернию. 31 августа В.Ф. Шепелев получил от В.А. Быхалова донесение о том, что двигаясь к Юхнову, вверенные ему полки расположились в с. Товарково и д. Рожествино на южной границе Медынского уезда. В тот же день командующий войсками в губернии, получив сведения о бесчинствах неприятеля в с. Дунино и волнениях в Боровске, вызванных приближением французов, предписал Быхалову «отрядить 200 казаков к городу Боровску для защищения безопасности оногo с тем, чтоб он растянул от Полотняного Завода, в Медынском уезде состоящего, цепь до города Боровска, и от того ж Завода таковую же сделал по Мосальскому уезду для защищения больших дорог и других трактов, ведущих сообщение с сими городами и с самою Калугою». Кроме того, Шепелев потребовал, чтобы Быхалов «для отыскания неприятельской партии, сожегшей селение Дунино, отрядил 200 ж человек казаков, с тем чтобы он непременно сих хищников нашел и истребил». В тот же день это предписание было направлено Быхалову через калужского губернатора Каверина, который, описав сложившееся в Медынском уезде положение, потребовал организовать отпор противнику. При этом Каверин написал, что казачьим полкам будет оказано содействие со стороны

местных кордонов, о чем он сделал предписания медыньскому предводителю и исправнику [30, с. 32].

Получив предписание Шепелева, Быхалов 31 августа со своим полком выдвинулся к Полотняному Заводу для прикрытия дороги от Можайска в Калугу и приступил к наблюдению путей сообщения в направлении Юхнова и Мосальска. В противоположную сторону, к Боровску и Малоярославцу, Быхалов направил полк Комиссарова 1-го [31, с. 35]. Вскоре Д.Д.Комиссаров выходит из подчинения Быхалова и Василий Андреевич действует самостоятельно...

В рапорте, написанном предположительно утром 1 сентября, В.А. Быхалов сообщил Шепелеву, что направил к Гжатску, Мосальску и Боровску три партии, которые не обнаружили неприятеля, а по слухам известив, что части оного по деревням вдоль дороги Мосальской и Гжатской волочится и селения грабят...» [31, с. 39]. Уже 1 сентября казакам Быхалова удалось отличиться, о чем 3 сентября Шепелев рапортовал Кутузову. Узнав о появлении противника в 20 верстах от Медыни на заводе купца Маслова, Быхалов со своим полком утром 1 сентября покинул уездный город. Прибыв на завод, он нашел его горящим. Продолжив движение, В.А. Быхалов наткнулся у д. Образцово на неприятельский отряд, состоящий из пехоты и кавалерии. Полк ударил по врагу, опрокинул его и преследовал более 15 км. В ходе боя, по данным Быхалова, в плен было взято 54 человека и «довольное количество поколото». У казаков были ранены урядник, казак и 10 лошадей. По сведениям начальника кордонов Медыньского уезда Лопатина, в этом бою было взято в плен 52 и убито 32 неприятеля [31, с. 40].

Отряженная по Можайской дороге команда в с. Якушкино и Кобылино взяла в плен 14 человек, потеряв 2 казаков ранеными. Примерно в то же время партия казаков вместе с крестьянами напала на команду фуражиров в с. Кременское, уничтожив 16 человек и 14 взяв в плен [31, с. 40].

Полк Быхалова 1-го вышел на дорогу к Верее и 4 сентября напал на противника, располагавшегося в деревнях Никитское, Лыково и Двор Баталиев. Выбив из них врага, казаки продолжали преследование до Медыньской границы – села Дунино. В рапорте В.Ф. Шепелеву от 5 сентября Быхалов сообщил, что в ходе боя им было убито более 50 человек и 47 взято в плен, в том числе капитан, 2 унтер-офицера и сержант. В качестве трофеев были взяты церковные вещи, которые вместе с пленными были препровождены в Калугу. У казаков один человек получил ранение и «жестоко» пострадал офицер, который впоследствии скончался. Кроме того, было убито 5 и ранено 8 лошадей. В направленном 5 сентября Шепелеву рапорте В.А. Быхалов 1-й указал отличившихся в бою офицеров и нижних чинов, прося у командующего войсками в Калужской губернии исходатайствовать им награды. В этом бою был уничтожен неприятельский отряд, бесчинствовавший на севере Медыньского уезда с 28 августа [31, с. 40].

8 сентября партия донских казаков при поддержке крестьян уничтожила неприятельских фуражиров у с. Никитского. При этом было убито 50 человек и взято в плен 38. Медыньский кордонный начальник Лопатин донес губернатору, что 9 сентября казачья партия полка Быхалова под командованием капитана Александрина вместе с жителями разбила в с. Никитском и д. Якушине отряд неприятельских фуражиров, из которых 15 человек были взяты в плен и препровождены в Медынь. В ходе боя было уничтожено до 30 чел. Противника. Шепелев сообщил М.И. Кутузову, что 10 сентября В.А. Быхалов уничтожил 70 и пленил 37 человек. 12 сентября кордонный начальник рапортовал губернатору о доставлении в уездный город 183 фуражиров, взятых Быхаловым в плен 10 и 11 сентября. При этом было убито более 150 человек [31, с. 41].

В рапорте М.И. Кутузову от 17 сентября В.Ф. Шепелев высоко оценил деятельность донских казаков в Медыньском уезде и просил наградить **отличившихся**. Он писал, что В.А. Быхалов «пять раз с одним своим полком вступал в действие с неприятелем... При всех сих случаях **взято им в плен 751 человек и несравненно большее число поколото**. С нашей стороны, благодарение Промыслу, урон малозначителен, но важен потерей одного храброго офицера, смерть коего по преданности казаков к мужеству его, злодеям нашим очень дорого досталась. Главная же потеря состоит в лошадях, но и та заменена остающимися после убитых французов» [31, с. 41]. В документах встречается уже второй раз упоминание о одном казачьем храбром офицере, но нигде ни у В.А. Быхалова, ни у В.Ф. Шепелева не упоминается ни его чин, ни фамилия. Несмотря на всю свою храбрость он для истории остался пока неизвестен...

В.А. Бессонов и А.И. Попов здесь делают уточнение: «следует отметить, что показанная в рапорте Шепелева численность пленных несколько преувеличена. Согласно представленным выше данным, с 26 августа (?-А.З.) по 11 сентября отрядом Быхалова было **взято в плен примерно 373 человека и уничтожено более 300**» [31, с. 41].

Благодаря деятельности Быхалова угроза проникновения неприятеля в Медыньский уезд была устранена. Казаками при поддержке крестьян были уничтожены крупные партии противника и восстановлен порядок в пределах уезда. Количество стычек с противником сокращалось. По данным Лопатина, после 11 сентября в пределах уезда произошло **всего 3 столкновения**. В одном случае местные жители сами расправились с партией мародеров, убив при этом 5 человек. В другом – батальон 3-го полка Калужского ополчения под командованием майора Спафарьева, поддержанный партией казаков, напал у д. Варсобино на более 100 чел. Фуражиров врага. В бою было убито 38 французов, остальные обращены в бегство. Последнее крупное столкновение было в 20-х числах сентября, когда казаки В.А. Быхалова и крестьяне под командованием начальника кордонов и земского исправника в с. Солопинках, Курове и д. Стрельной разгромили крупную партию фуражиров, **уничтожив примерно 210 человек**. Для охраны Медыньского уезда Быхалов расположил три сотни своего полка в д. Никитская, Егорий и Роткина; сам же с двумя сотнями остался в Медыни, где находился батальон ополченцев [31, с. 42].

К концу сентября Медыньский уезд был полностью очищен от неприятеля и казаки В.А. Быхалова 1-го и местные крестьяне перенесли свои «акции» в пределы Можайского уезда Московской губернии. В конце сентября партия казаков и крестьяне села Никитское напали в Можайском уезде на неприятельских фуражиров, стоявших в с. Шимоново, убив при этом 25 человек. В начале октября полк Быхалова 1-го при поддержке медыньских крестьян разгромил в с. Купрово партию фуражиров, уничтожив уже более 100 чел. И взяв в плен 80. К этому времени, действуя самостоятельно, полк Быхалова 1-го истребил уже 700 и взял в плен около 450 французов [31, с. 43].

10 октября полк В.А. Быхалова, «обходя... по Медыньскому округу, неприятеля не нашел, а нашел оного в Можайском округе в с. Рябинином и д. Федоровской и положил на тех местах до 200 человек» [32], а оттуда 12-го «ходил к Колоцкому монастырю и под самым оным имел сражение» [31, с. 43].

Подробности этого сражения изложены в мемуарах противника: офицеров 2-го вестфальского батальона легкой пехоты подполковника И.Л. Бёдикера и капитана фон Линсингена. 11 октября батальон возвращался из Гжатска в Можайск. Около полудня он приближался к монастырю, причем туман был настолько сильным, что едва можно было видеть далее одного шага. Подполковник Бёдикер был ранен еще в Бородинском сражении, но строя не покинул, и с тех пор командовал батальоном, сопровождая его в коляске, когда требовалось передвигаться на большие расстояния [32].

Неожиданно раздались крики «Кзаки! Кзаки!» и множество выстрелов. По словам Линсингена «несколько казаков заскакали в середину нашей колонны, но, видимо, были поражены точно так же как и мы» [31, с. 43]. «Пораженный этим криком, - пишет Бёдикер, - я соскочил из своей тележки и с безмерным смущением увидел, что казаки находятся уже посреди авангарда и даже посреди главных сил и скачут вокруг. Своими криками и поспешным сбором ближайших солдат, мне удалось образовать вокруг моей тележки отряд, после чего я попытался спасти прочий личный состав. Поскольку мы не могли тотчас достичь монастыря, к счастью, удалось занять позицию возле ветряной мельницы. Отсюда мы оказали неприятелю упорное сопротивление... Сильный туман скрывал от неприятеля наши силы, а ветряная мельница представляла хорошую позицию» [31, с. 43].

Линсинген вспоминал, что Бёдикер «с людьми, которые были у него под рукой, быстро занял ветряную мельницу, в то время как я увез обоз во двор монастыря и велел занять стены ограды. Вскоре последовала вторая, более серьезная атака; она была отбита как от мельницы, так и от монастыря. Мы не потеряли ни одного человека; потери казаков были также небольшими, они тотчас ускакали назад, когда встретили сильное сопротивление. Как ни быстро все это произошло, но казаки еще имели время забрать поклажу и лошадей у офицеров, которые находились в домах перед монастырем» [31, с. 43-44].

Бёдикер признавал, что «было невозможно воспрепятствовать тому, что во время боя многие раненые офицеры, находившиеся в зданиях монастыря, были совершенно ограблены. Хотя из монастыря, не деля вылазки, стреляли из орудий, но все же безо всякого результата. Сила казаков составляла около 1200 человек (? – А.З.), которые хотели при благоприятном (для них) сильном тумане напасть на монастырь и захватить его, но нашим движением они были захвачены врасплох, как и мы их движением». Быхалов донес, что «неприятель пушечными выстрелами хотя меня и отражал, но **три раза** я его в самую крепость монастыря вгонял и напоследок со взятием в плен 2 офицеров, 5 капралов и 2 унтер-офицеров» [31, с. 44; 32].

В это же время под удар казаков попал обоз из 2 тыс. раненых и их войскового сопровождения, выехавший 6 октября из Москвы на 400-500 повозках под командой генерала Жерара. Находившийся в этом обозе капитан Л. Гардьё вспоминал: «В ночь с 22 на 23 (по н.с – А.З.) прибыли казаки, чтобы произвести внезапное нападение на наш обоз, но они были крепко приняты отрядом польской пехоты, который разместился в углах каре, которое образовали наши повозки» [31, с. 44].

По возвращении из рейда в Медынь, В. А. Быхалов получил 12 октября сообщение из с. Егорье от капитана Александрина о том, что противник занял Верею и выслал отряд к Медыни [31, с. 44; 32].

Это движение противника к Верею и Медыни произошло вследствие приказа, отданного 10 октября Наполеоном польскому корпусу Ю.А. Понятовского. Высланный вперед авангард в составе 500-600 кавалеристов, 1 тыс. пехотинцев, лучших ходоков и легкой артиллерии в тот же день занял Верею. 11 октября туда пришли остальные войска Понятовского, который установил связь с Боровском, куда прибыли войска Э.Богарнэ. Наполеон пытался отыскать новую надежную коммуникацию через неразоренный край на Юхнов и Ельню. Понятовский должен был предпринять из Вереи разведку на Медынь. То что заметил 12 октября капитан Александрин - это и была эта разведка. Ю.А. Понятовский направил в с. Кременское по дороге на Медынь авангард под командой генерала Ш. Лефевра- Дэнзэтта. Поляки двигались без особых предосторожностей, выслав вперед только разведчиков.

В тот же день М.И. Платов предписал **полковнику Г.Д. Иловайскому 9-му** с двумя полками идти «в Медынь, куда на дороге поставить заставу из 50 казаков в с. Кудинове, из Медыни же восстановить заставу на Вереиской дороге в 100 человек, одну в Егорьевское, где

сходятся Верейская и Можайская дороги, а другую, в 50 человек, в Троицком, что на р. Луже. Налево от вас, к стороне Боровска, находится полковник Быхалов» [32].

Здесь, я думаю, необходимо сделать отступление от основной темы и поговорить о человеке, который только что был упомянут: **о Григории Дмитриевиче Иловайском 9-м**, ибо он постоянно, до окончания Отечественной войны 1812г. будет «перебегать дорогу» Василию Андреевичу, о нем в донской историографии войны с Наполеоном сформируется также неверное понятие, что позволит не только донским, но и военным историкам дореволюционной России написать ряд работ, не совсем соответствующих действительности. Здесь виноваты и авторы не менее знаменитого сборника «Донцы XIX века», переизданного по предложению Н.С. Коршикова в 2003г. Автор статьи о Г.Д. Иловайском остался неизвестен (многих Н.С.Коршиков указал – А.З.), но вот что он написал о своем герое в интересующее нас время: «С началом Отечественной войны 1812 года Григорий Дмитриевич в чине генерал-майора (? – А.З.), совершив поход с Дона в Москву, находился в рядах действующей армии, причем, следуя со своим полком и полком Иловайского 2-го (опять ошибка – Иловайского 11-го – А.З.) к городу Медынь, встретил на пути неприятельский отряд из двух тысяч человек поляков, находившихся под командой генерала Тышкевича (далее увидим, что и это не так –А.З.). Отряд этот имел назначением занять Медынь, но Григорий Дмитриевич разбил его, взял в плен самого Тышкевича (?- А.З.) со многими штаб- и обер-офицерами и пять орудий; подвиг этот был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Состоя затем под командой генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова, Иловайский участвовал в преследовании неприятеля близ города Вязьмы, а во время атаки генерала Ожеро, командуя четырьмя казачьими полками, по дороге от Ляхова к Смоленску, не допустил присоединения прибывших к отряду Ожеро двух тысяч человек пехоты и конницы и, разбив самый отряд, содействовал пленению генерала Ожеро с его войсками» [48, с. 167].

Если привести пример неверной информации из трудов дореволюционных военных историков, то здесь можно указать работу полковника М.А. Российского, который пишет: «**Засада у Медыни 13 октября 1812г.** В то время, как главные силы Наполеона были у Малоярославца, корпус Понятовского, обеспечивая правый фланг французов, находился у села Кременского. Отсюда маршал двинул к Медыни свой авангард из 4 полков кавалерии и 1 пехотного полка с артиллерией. Наблюдавший со своим полком дорогу из Кременского в Медынь казачий полковник Быхалов, отступая перед неприятелем, известил об этом бывшего близ Медыни генерал-майора Иловайского 9-го, который немедленно выступил со своим отрядом на поддержку Быхалова. Осмотрев местность, Иловайский решил устроить засаду, пользуясь тем, что охранение марша противника было очень неудовлетворительно. Вправо и влево от дороги скрытно было поставлено по казачьему полку; Быхалов, отступая втянул ничего не подозревавшего неприятеля в этот мешок. Как только авангард Понятовского поравнялся с засадою – оба полка стремительно атаковали его с флангов, а Быхалов- с фронта. Противник обратился в бегство, причем потерял 5 орудий и много пленных (в числе их одного генерала)» [49, с. 165-166]. Вызывающие у нас сомнения места, а попросту говоря, неверные, в обоих текстах подчеркнуты. Положительным моментом в труде М.А. Российского является то, что он приводит схему сражения на стр. 166, что является тем немногим, которое отобразило деятельность В.А. Быхалова хотя бы в отечественной картографии.

Другого ничего мы как-то и не встретили!!!

К своему стыду надо признать, что и я поддался очарованию текста этих двух цитат. Мною уже подготовлена статья для печатания в центральной печати, посвященная деятельности В.А. Быхалова ,в преддверии 200-летия Отечественной войны, где полковник Г.Д. Иловайский 9-й назван генерал-майором, а это не соответствует действительности. Мало

того, он и в полковники был произведен всего лишь в 1810 г. [48, с. 167]. А коль скоро они с В.А. Быхаловым были в одинаковых чинах, то старшинство производства (с 1799 г. – А.З.) было у Василия Андреевича. Поэтому думать и приказывать обязан был Быхалов 1-й, а никак не наоборот! Г.Д. Иловайский 9-й действительно станет генерал-майоров, но только 18(30) июля 1813 г. [50]. Кто-то его очень «тянул вверх», очевидно сам М.И. Платов; у В.А. Быхалова такого покровителя не было. Отсюда и его затирание в дальнейшем, даже в награждении за бой под Ляхово, не то что за Медынь...

К чести постоянно нами цитируемых В.А. Бессонова и А.И. Попова, они не производят Иловайского 9-го в генерал-майоры раньше времени, он у них, как и положено, полковник. Причем в статье А.И. Попова дается реальная картина того, кто кому указывал, и приводятся даже рапорты Г.Д. Иловайского, где он описывает все правильно! Но обо всем по порядку.

Медынский кордонный начальник майор Лопатин донес о развитии событий калужскому губернатору П.Н.Каверину: «Сего 12 октября в 3 часа пополудни получил я известие, что неприятель в большом количестве приступил по тракту от г. Вереи в Медынскую округу к с. Егорью, где для прикрытия сего тракта был поставлен казачий отряд при одном капитане Александрине; а в 7 час. Прислал он в г. Медынь к казачьему полковнику Быхалову, что уже неприятель, пройдя с. Егорье и с. Кременское, идет к Медыне и что уже не далее от города как в 7 верстах, почему тот же час полковник Быхалов всем нам и жителям г. Медыни объявил: так как он удерживать неприятеля более не может, то бы все из города выезжали и спасались» [32]. Все так и сделали: Лопатин отступил по дороге на г. Козельск, все чиновники выехали из Медыни.

В 7 часов утра 13 октября Понятовский сообщил маршалу А. Бертье, что для поддержания связи с генералом Лефевром он выслал 80 пехотинцев и 25 кавалеристов в с. Егорье, на полпути из Вереи в Медынь. Этому отряду было также поручено собирать в округе все встречающиеся повозки. В это же время авангард Лефевра продолжал двигаться на Медынь.

Г.Д. Иловайский 9-й сообщил, что «получил известие от полковника Быхалова 1-го, что неприятель выступил из с. Кременна (так в документе – А.З.) и будучи в 4 полках кавалерии, 1-м полку пехоты и нескольких орудиях артиллерии, направил марш свой к г. Медыню и что он, Быхалов, с полком своего имени и двумя отряженными от меня при войсковом старшине Семилетове партиями ведет с неприятелем перепалку, я тот же час с остальной частью полков имени моего и полковника Иловайского 11-го, отправился к нему, Быхалову, на подкрепление» [32].

Около 11 часов утра голова 5-го полка конных стрелков, составлявших авангард отряда Лефевра, вышла из леса, по которому поляки двигались до тех пор, и, преследуя казаков сотни капитана Александрина, начала переходить плотину, тянувшуюся через болота в 2 км. От Медыни. «Выйдя из леса, - вспоминал капитан 5-го полка Х.Дембицкий, - мы должны были пересечь широкое пространство, выкорчеванное в той лесистой местности. Через это поле шла оконная дорога, которая в самой середине, вследствие заболоченности места, представляя собой высокую дамбу. То ли из-за отсутствия опыта, то ли от близорукости, генерал Лефевр де Нуэтт не заметил, что эта дамба разделяет наши силы на две части, и вместо того, чтобы занять только одну сторону плотины, приказал нашему полку идти по правой стороне, остальным частям – по левой стороне, а артиллерии и обозам – по самой дамбе. Вскоре мы прошли болота и уже увидели за холмом башни Медыни, когда со стороны города сопротивление казаков начало усиливаться. Но протяжении четверти часа они вели по нам огонь из «янычарок», становившийся все живее и живее, после чего из-за всех холмов выскочили тучи казаков, которые, по своему обычаю, с криками ударили по нас со всех сторон» (см.схему -А.З.) [32].

Бригада Иловайского 9-го подоспела на помощь к В.А. Быхалову 1-му, когда неприятель находился уже в 6 верстах от города. Григорий Дмитриевич сообщил, что «**по распоряжению Быхалова** поставил полк своего имени на правом, а полк Иловайского 11-го на левом флангах в скрытых местах позиции, дожидаясь пока неприятель, идущий за полком Быхалова 1-го и партиями, выдет (так в документе – А.З.) на поле сражения, и когда появился онный близ города и имел намерение овладеть оным и далее (как пленные показывают) прорваться по дороге на Калугу, то **согласно с распоряжениями его, Быхалова**, по приказанию моему, полки моего имени и Иловайского 11-го, вместе с полком Быхалова 1-го, находившемся в центре, вдруг сделали на него с обоих флангов сильное нападение» [32].

Генеральный директор Калужского областного краеведческого музея, к.и.н. Виталий Бессонов еще более категоричен в своей оценке событий. В беседе с корреспондентом газеты «Весть» И. Фадеевым он прямо говорит: «С каждой стороны в этой стычке участвовали примерно по 1200 человек. Войсками объединенного русского отряда **командовал донской офицер, полковник Быхалов 1-й**, в чью группу помимо его полка, усиленного отрядом самообороны, также входили казачьи полки Иловайского 9-го и Иловайского 11-го» [51]. Вот это и есть истинная правда, а не то что написали авторы двух процитированных выше нами книг (подчеркнутые в цитатах строки –А.З.).

Что же происходило дальше? Х. Дембицкий пишет, что полковник Курнатовский (командир 5-го полка-А.З.) разделил свой полк (менее 200 чел.) на две части и «двинувшись в колонне уступами вдоль дамбы, дал команду: «Заходи вправо», так чтобы мы обратились тылом к плотине, а фронтом – к наступающим на нас казакам. Это движение несколько задержало напор казаков, а два орудийных выстрела, сделанных с дамбы, уже склонили было их к отходу, когда, к нашему несчастью, генерал Лефевр-Денуэтт, желая исправить свою ошибку, прислал Курнатовскому приказ перейти как можно быстрее на левую сторону плотины. Курнатовский дал команду: «По трое направо в тыл», и солдаты, не дожидаясь слова «марш», начали карабкаться на дамбу, чтобы соединиться с остальной частью маленького корпуса. **Казаки не упустили момента, чтобы ударить на нас.** Солдаты уже почти были на плотине, однако мы, офицеры, бывшие перед фронтом, оказались тогда почти в одиночестве». С большим трудом офицеры отбились от казаков [32].

По словам Лефевра, это случилось в 15 часов. Поляки оказались окруженными. Казаки открыли оживленный огонь из ружей. Польская конная полубатарея, с двумя примкнувшими к ней полковыми пушками, выдвинулась вперед. 5-й полк конных стрелков, отступая, наскочил прямо на артиллерию, лишив ее возможности вести огонь. Она успела сделать лишь несколько выстрелов, когда на плечах отступавших конных стрелков прискакали казаки и овладели орудиями. «Мы взобрались на плотину, - пишет Дембицкий, - и наткнулись на тросы от передков наших орудий, но тут появилась новая опасность, ибо казаки, атаковавшие лавой, настигли линию наших обозов, и, подаваясь, таким образом, вправо и влево, **казачий отряд дошел до орудий**, находившихся за обозными повозками. Артиллеристы же, не успев развернуть орудия, защищали их и себя банниками» [32].

В наградном представлении сказано, что В.А. Быхалов атаковал французскую пехоту и «действовал с отличною предприимчивостью, мужеством и храбростью, взял в плен более 300 человек и пять пушек» [32]. Эту же мысль в своем труде приводит и С.Е. Калинин [30, с. 29]. Г.Д. Иловайский 9-й писал, что казаки, преодолев упорное сопротивление неприятеля, «смешали его, и поражая с чувствительными для него уроном, выбили из занятой им позиции, овладели 5-ю неприятельскими орудиями и припасами и сии последние обратили на самого неприятеля и принудили его ретироваться по той же дороге от города обратно к с. Кременцу(так в оригинале - А.З.) . Причем взяли в плен одного польских войск ген. Тишкевича, командовавшего неприятельским отрядом, 1 подполковника, 1 вахмистра, 1

штаб-лекаря и несколько рядовых, в продолжение сражения сего... **убит французский ген. Лыфев** (так в документе - А.З.) и положено на месте несколько об.-офицеров и до 500 чел. Рядовых. С нашей же стороны потеря в людях не велика, токмо в лошадях несколько значительна» [32].

По словам поляков, после захвата орудий **казаки стали грабить обоз**, и, поскольку лошади были голодными и ослабленными, его спасти не удалось. От русского ружейного огня погибли оба командира польских батальонов. Ш. Лефевр-Денуэтт бросился к Рыбиньскому (одному из командиров б-нов –А.З.) с криком: «Полковник, постройте каре!» - «Генерал, это слишком большая честь для этих каналий», - ответил Рыбиньский и двинулся в сомкнутых колоннах, сохраняя лишь небольшой промежуток между батальонами. Вскоре он был убит. **Казаки не отважились втиснуться между батальонами и стали медленно отходить**. Рассыпавшиеся польские эскадроны стали собираться около пехоты и осторожно маневрировать, а затем двинулись в атаку. **Бой длился около двух часов**, после чего Лефевр-Денуэтт дал приказ об отступлении, которое проходило в порядке, несмотря на артиллерийский огонь и попытки казаков обойти поляков с флангов [32].

Ночью остаткам отряда Лефевра удалось достичь Кременского и установить связь с Понятовским. «Все бывшие в этом деле офицеры, - вспоминал участник боя К. Колачковский, - соглашались с тем, что они никогда не видели так слепо и отважно нападавших казаков...» [32].

На следующий день все чиновники возвратились в Медынь, а В.А. Быхалов уведомил городничего В.Ф. Шумакова, « что неприятель им обще с пришедшими в подкрепление его двумя казачьими полками... полковника Иловайского 9-го разбит от города в полуверсте совершенно,... что взято им в плен... генерал граф Тышкевич, подполковник Любовицкой, штаб-доктор, один поручик, один подпоручик, семь унтер-офицеров и рядовых шестьдесят три человека, и на месте положено довольно количество, между коими убит один полковник Ржевуский, капитанов: от пехоты Ляховский, от кавалерии Нововенский, девять орудий взято с наряженными ящиками». Пленные, «а также четыре орудия, отправлены в Калугу, а одно оставлено при нем для защиты» [32].

Еще один интересный момент: в «Журнале военных действий» сообщалось, что в этом бою был «убит французский генерал, который в рапорте полковника Иловайского назван именем, похожим на Лефевра», но П.П. Коновницын внес ясность в этот вопрос, известив Каверина, что в этом деле «убит генерал Лефелье» [32].

За отличие в этом бою **В.А. Быхалов 1-й был представлен к награждению орденом Св. Георгия 4-го класса**, а не награжден, как это звучит у А.А. Елисеева [52, с. 152-153]. Мало того, в наградных представлениях сказано, что Иловайский 9-й «взял в плен более трех сот человек и пять орудий», а Быхалов 1-й только «способствовал ко взятию более трех сот человек в плен разных чинов и пяти пушек» [Там же]. За несколько дней все изменилось! Тот кто действительно взял, тот «способствовал», а кто способствовал – тот взял!!! Мало того, Г.Д. Иловайский 9-й тоже был представлен за отличие в этом бою к Георгию 4-го класса, но он свою награду получил быстро [48, с. 167]. **Награждение же В.А. Быхалова**, истинного героя боя под Медынью, **не состоялось**, т.к. факт получения награды не подтвержден никакими другими документами... Очевидно тут сыграло свою роль предвзятое отношение к нашему герою М.И. Платова, «точившего на него зуб» еще с 1802г. [53, с. 25]. А вот у Г.Д. Иловайского 9-го, несмотря на то, что он на войну прибыл только под Тарутино, во главе ополченного полка, все складывалось прекрасно, т.к. «вихрь-атаман» мирволил этому семейству... Искривление исторической правды в угоду М.И. Платову имеет отголоски и по сей день не только в исторических трудах, а и в произведениях искусства. Так, в 2004г. была написана талантливым художником-баталистом А.Ю.

Аверьяновым картина под названием «Дело под Медынью 13(25) октября 1812 г. Пленение генерала Тышкевича». На ней изображен финал боя, когда полковник Г.Д. Иловайский 9-й, использовав действия полковника В.А. Быхалова 1-го, заманившего поляков в западню, берет в плен генерала Т. Тышкевича. Как мы теперь знаем, на месте Г.Д. Иловайского 9-го должен был быть изображен В.А. Быхалов 1-й! Не повезло нашему герою в «жизни после смерти»...

Так или иначе, а известие об этом бое, наряду с другими причинами, повлияло на дальнейшие действия Наполеона. После захвата Малоярославца казалось, что дорога на Смоленск через Медынь, Юхнов и Ельню открыта для него и не будет нужды возвращаться на Смоленскую дорогу. Но Наполеон колебался и весь день 13 октября простоял под Малоярославцем. Получив известия о деле при Медыни, М.И. Кутузов приказал М.И. Платову усилить наблюдение за противником и выдвинул к нему на помощь 26-ю пехотную дивизию И.Ф. Паскевича. Дивизия, пройдя 15 октября через Полотняные заводы, к 9 часам вечера прибыла в с. Адамовское. Ночью, пройдя еще 14 верст, отряд Паскевича в 9 часов утра 16 октября прибыл в Медынь, где находился **генерал В.В. Орлов-Денисов, принявший командование над отрядом Иловайского 9-го**; его авангард уже продвинулся до Кременского[32]. Причем принял он отряд Иловайского 9-го еще 14 октября, прибыв в Медынь с казачьими полками А.А. Ягодина 2-го и Траилина. 16 октября был сформирован из этих пяти казачьих полков «летучий корпус» под командованием этого генерала, который развернул активные партизанские действия. [31, с. 44-45]. Причем даже у А.И. Попова и В.А. Бессонова нет объяснений того, в результате чего, за один день, командиром бригады, действовавшей под Медынью, становится не В.А. Быхалов, а Г.Д. Иловайский? Тут было какое-то распоряжение, следов которого не удастся найти. Василия Андреевича опять «обошли»...

Получив сообщение о поражении отряда Лефевра-Дэнуэтта, маршалы убедили Наполеона не начинать нового сражения. Поэтому пришлось отказаться от движения через Медынь и Ельню. Наполеон решил отступать через Верею на Можайск. Понятовскому велено было отослать свои обозы в Можайск, а самому – прикрывать медыньскую дорогу в с. Егорьевском. Вечером 15 октября Понятовский доносил из д. Суботино, что казаки показались сначала перед авангардом Лефевра в Егорьевском, а затем перед фронтом самого корпуса, где они остановились до наступления ночи. На следующий день, 17 октября, Паскевич донес А.П. Ермолову из Кременского, что «неприятель, ретируясь от Вереи к большой дороге, жжет все селения» [32].

Находясь в составе «летучего корпуса» В.В. Орлова-Денисова, полк В.А. Быхалова 1-го участвовал 21 октября в бою под Вязьмой [30, с. 29]. Но наиболее выдающимся событием периода контрнаступления русской армии для В.А. Быхалова было дело под Ляховым, происшедшее 28 октября. Как и всегда, его участие в этом столкновении сначала раздули до небес, а **затем облили потоками нечистот!** В последнем преуспел современный исследователь А. Кибовский. Для объяснения в чем дело нам придется изложить основные мысли его статьи [54, с. 18-21].

Отряд войск Наполеона, находившийся под командованием бригадного генерала П.Ж. Ожеро, состоял из 1-й маршевой полубригады пехоты, 2-х маршевых эскадронов французских конных егерей и 3-х маршевых эскадронов кирасир. Он входил в состав дивизии Луи Бараге д'Ильера, сформированной из маршевых частей в Смоленске по приказу Наполеона 28 сентября 1812г. 10 октября сборная дивизия выдвинулась к Ельне и заняла город. После упорного боя с отрядом Калужского ополчения под командованием В.М. Яшвиля, Бараге д'Ильер, следуя приказу Наполеона, отступил и двинулся к Смоленску, оставив Ельню в ночь с 23 на 24 октября. Дивизия растянулась на 15 верст по дороге через Язвино, Ляхово к Долгомостью. Ожеро по приказу Бараге д'Ильера 24 октября занял Ляхово.

Сюда с севера приближались партизанские отряды Д.В. Давыдова, А.Н. Сеславина и А.С. Фигнера, объединившиеся в Дубосищах 24-26 октября. Узнав о растянутом положении дивизии Бараге д'Ильера, они решили напасть на беспечно расположившийся отряд Ожеро. 28 октября партизаны соединились в Козлово с «летучим корпусом» В.В. Орлова-Денисова. Атаковав неприятеля общими силами, они пересекли дорогу из Ляхова на Долгомостье и Смоленск. Одновременно была перекрыта и обратная дорога из Ляхово в Язвино. После целого дня упорных боев, Ожеро, потеряв связь с соседями и считая себя полностью окруженным превосходящими силами, капитулировал.

Далее А. Кибовский начинает делать ссылки на участников боя. По воспоминаниям Д.В. Давыдова, «граф Орлов-Денисов уведомлен был, что двухтысячная колонна спешит по дороге от Долгомостья в тыл нашим отрядам, и что наблюдательные войска его, на сей дороге выставленные, с поспешностью отступают. Граф, оставя нас продолжать действие против Ожеро, взял отряд свой и немедленно обратился с ним на кирасиров, встретил их неподалеку от нас, атаковал, рассеял и, **отрядив полковника Быхалова с частью отряда своего для преследования оных к Долгомостью**, возвратился к нам в Ляхово». В ходе этого преследования, согласно «Описанию Отечественной войны 1812 года» А.И. Михайловского-Данилевского, «французы побежали, преследуемые 5-ть верст, и наконец были припёрты к болотистому ручью, где их совсем уничтожили. 700 кирас, снятых с убитых, доказывали поражение их. Кирасы переданы в последствии в Псковский драгунский полк». Эта концепция была затем продублирована «Историей Отечественной войны 1812 года М.И. Богдановича и прочно укрепилась в исторической литературе...

Далее А. Кибовский исследует вопрос о том, откуда взялось утверждение о 700 кирасах? По его данным, в бумагах, собранных А.И. Михайловским-Данилевским для своего труда, хранится записка «**Дело под Ляховым**», присланная 26 марта 1836г. от графа В.В. Орлова-Денисова. Рукопись не подписана. Тем не менее, Кибовский считает, что автором ее мог быть или сам Орлов-Денисов, или человек из его окружения. Она гласит: «**Полковнику Быхалову с двумя казачьими полками** (его имени и Траилина – А.З.) приказано было перерезать большую дорогу, ведущую от Ляхово к Смоленску и тем уничтожить последнюю надежду генерала Ожеро на ретираду. Но вскоре разъезды его открыли сильную неприятельскую колонну, составленную из **2 тысяч кирасир**, идущих по дороге от Смоленска на помощь Ожеро, в следствие чего **Быхалову приказано было ни мало не медля атаковать колонну сию**, а полкам Иловайского 9-го и Мельникова занять его позицию. **Быхалов после многократных, но безуспешных атак двумя полками, не составлявшими и 600 человек**, не мог устоять противу многочисленного отряда сего и при том свежего и, будучи сильно тесним, **начал отступать в порядке**. В следствие чего полковнику Мельникову с двумя полками приказано было поддержать его и совокупно напасть на неприятеля. **Бой 1300 человек казаков и 2000 неприятельских кирасир (!-А.З.)** сделался рукопашный и отчаянный, и тут-то французы удостоверились, **что кирасы их недостаточны для спасения от пики казачьей** где нет поддержки Артиллерии и пехоты. Вскоре увидели мы, что кирасиры рассеяны и обратились в бегство. Казаки, преследуя их почти на протяжении 5 верст и пригнав к болотистому ручью, совершенно уничтожили: более 700 кирас (переданных генералу Корфу для Псковских и других драгун), снятых с убитых и доставшихся нам в добычу, доказывают поражение их».

Все казалось бы логично и описано к славе донского казачества, но вот А. Кибовский засомневался в числе французских кирасир в 2000 человек, убедительно доказывая что, коль скоро было захвачено более 700 кирас, и все кирасиры были перебиты, то куда же подевалось еще 1300 кирасир? А потом, сообщив, что у французов кираса была двойная, прикрывающая всадника и со спины, и с груди (по-русски называлась «пара»), приходит к выводу, что **кирасир-то было всего 350 чел.!** Отсюда выходит, что и гордиться донцам нечем: В.А. Быхалов 1-й, имея менее 600 чел. не смог устоять против 350 кирасир, а

пришедшие ему на помощь еще два полка, составив 1300 казаков, наконец-то уничтожили 350 французов! Что же тут героического? Скорее выходит, что здесь французы герои?! [54, с. 20-21].

Но тогда А. Кибовского на их счастье не было и в созданную легенду все верили: она способствовала славе русского оружия. Пытаясь выделить роль своих подчиненных, В.В. Орлов-Денисов оформил наградные представления, написав их после боя под Красным 3 ноября 1812 г. Попал в них и полковник В.А. Быхалов 1-й. Там говорится, что он имеет на момент представления ордена Св. Анны 2-го класса и Св. Владимира 4-й степени (оба за Кавказ – А.З.). В графе «Какие оказал подвиги» значится: «Во время преследования неприятеля от Боровска до Красного, командуя двумя полками, 21 октября близ города Вязьмы вместе с полковником Иловайским 9-м ударил на неприятеля, ретировавшегося по большой дороге, рассеял колонны, прикрывавшие артиллерию их и обозы, отбил батарейное орудие и взял много плену. Потом был неоднократно командирован для истребления неприятельских партий фуражиров и зажигальщиков, и беспокоивая неприятеля на большой дороге и у Соловьевой переправы. 28-го в атаке генерала Ожеро в Ляхове отлично сражался при поражении неприятельской кавалерии, шедшей из Долгомостья на помощь к атакованному генералу Ожеро в Ляхове. 30-го при деревнях Бакланове и Самохвалове истребил неприятельский отряд, взял в плен штаб и обер-офицеров восемь, унтер-офицеров шестьдесят три и рядовых восемьсот пятьдесят шесть человек и до ста повозок с провиантом. 3-го ноября под Красным при поражении неприятельских гвардейских войск храбростию своею служил примером для подчиненных своих» [55, л. 58 об.]. За все за это он представлялся к ордену Св. Владимира 3-й степени [Там же]. Полковник Г.Д. Иловайский 9-й представлялся к следующему чину. Но ни представление на В.А. Быхалова 1-го не прошло, ни представление на Г.Д. Иловайского теперь – тоже... Может быть генерал-фельдмаршал обратил внимание на ту же цифирь, в которой спустя столько лет разобрался А. Кибовский?

Война же продолжалась и участие в ней полка Быхалова 1-го, продолжавшего входить в «летучий корпус» В.В. Орлова-Денисова, после боя под Красным, точнее у дер. Ржавки, выглядело следующим образом: 16 ноября сражается при г. Борисове, 22 ноября – у м. Вилейки, 28 ноября – при г. Вильно, 2 декабря – при г. Ковно. Затем полк поступает в авангард казачьего корпуса генерала от кавалерии графа М.И. Платова, находившегося под командой генерал-адъютанта А.И. Чернышева, участвовал в преследовании неприятеля на территории Пруссии и во взятии 31 декабря г. Мариенвердера [30, с. 29].

Так закончился для В.А. Быхалова 1-го эпохальный год в истории России. Война продолжалась. Начался заграничный поход 1813-14 гг. Участие Василия Андреевича в этих боевых действиях освещено слабо, встречаются в литературе отдельные упоминания, что-то проглядывается в интернете. Но системное представление о его участии в заграничном походе еще не сформировалось... Первую попытку в своем новом труде сделал А.И. Агафонов, но Василий Андреевич теряется у него в обилии материала [45, с. 149-185]. Мало того, не определившись в своем отношении к инициалам героя, А.И. Агафонов допускает даже прямые «ляпы». Так, повествуя о долгожданном награждении В.А. Быхалова 1-го орденом Св. Георгия 4-го класса, которого он ожидал еще со времен боя под Медынью 13 октября 1812г., а он ему был пожалован по совокупности отличий в 1813г., автор пишет: «Полк полковника В.А. Быхалова 1-го, следовавший 7 (19) февраля в авангарде отряда А.И. Чернышева, обнаружил в сел. Тасдорф французский пехотный полк. Полковник В.А. Быхалов 1-й успешно провел переговоры о капитуляции, сдались в плен 1 полковник, 5 штаб и 9 обер-офицеров, 18 унтер-офицеров и 164 рядовых. Генерал-адъютант А.И. Чернышев 8 (20) февраля соединился с полковником Ф.К. Теттенборном в г. Ландсберге. 26 марта 1813г. «в воздаяние ревностной службы и отличия, оказанные в сражениях против французских войск» полковник А.И. Быхалов 1-й был награжден орденом Св. Великомученика и

Победоносца Георгия 4-го класса» [45, с. 152-153]. Получается, что в одном месте столпилось два Быхаловых 1-х, причем один был награжден, а другой – нет. Каково???-Какаво!!! Надо определиться Анатолию Ивановичу с инициалами, тогда и работа будет чище...

Участие В.А. Быхалова 1-го в маленьком походе 1815г. вообще очень емко освящено только в труде С.Е. Калинина [30, с. 30].

То есть, видно, что предстоит еще большая и кропотливая работа в плане изучения жизни и деятельности этого замечательного сына Тихого Дона. Даже из того, что представлено в данной статье, видно, что еще не все ясно даже в изложенном материале. Работать дальше в этом плане обязывает приближающееся 200-летие Отечественной войны 1812г. Но даже то, что выявлено, позволяет сказать, что полковник В.А. Быхалов 1-й – яркий представитель донского казачества, оставивший свой след во всех войнах России, в которых довелось ему участвовать. Это – фигура!

Литература.

1. Поляков Н., Жиров М. Донцы – кавалеры ордена Св. Великомученника и Победоносца Георгия. М. 1911
2. Бутурлин Д.П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. С официальных документов и других достоверных бумаг Российского и Французского генеральных штабов. Ч. 1-2. СПб. 1823-1824
3. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. Ч. 1-4. СПб. 1839.
4. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. 1-3. СПб. 1859-1860.
5. Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812г. Вып. 1-3. СПб. 1911
6. Донские казаки в 1812 году. Сб. документов об участии донского казачества в Отечественной войне 1812 года. / сост. А.П. Пронштейн и Н.И. Мастерова; под ред. А.В. Фадеева. Ростов-на-Дону. 1954.
7. Лесин В.И. Бунтари и воины. Очерки истории донского казачества. Ростов-на-Дону. Феникс. 1997.
8. Лесин В.И. Атаман Платов. Серия ЖЗЛ. М. Молодая гвардия. 2005.
9. Бессонов В.А., Попов А.И. Действия казачьих отрядов А.И. Быхалова и Н.А. Тимирова в 1812 году. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Бородино, 8-10 сентября 2003г. Можайск. 2004.
10. Бессонов В.А. «Корпус» генерал-лейтенанта В.Ф. Шепелева в Отечественной войне 1812г. // Отечественная война 1812г. и российская провинция в событиях, человеческих судьбах и музейных коллекциях: Сборник материалов XIII Всероссийской научной конференции 22-23 октября 2004. Малоярославец. 2005.
11. Попов А.И. Дело под Медынью. // От Тарутино до Малоярославца: к 190-летию Малоярославецкого сражения. Калуга. 2002.
12. Агафонов А.И. Предисловие к книге И.Ф. Быкадорова «Казаки в Отечественной войне 1812 г. М.: Яуза, ЭКСМО. 2005.
13. Митрошенкова Л.В., Львов С.В., Монахов А.Л. Отечественная война 1812 года. М. Кучково поле. 2010.
14. Коршиков Н.С. Донское казачество в сражении при Бородино. // Дон. 1987, № 9.
15. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 72.
16. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 102.
17. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 90.

18. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 92.
19. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 101.
20. Захаревич А.В. Уточнение количества донских казаков, участвовавших в боях с горцами в начале оборонительного периода Кавказской войны (1801-1802 гг.). // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Вопросы Северокавказской истории. Вып. 7. Армавир. 2002.
21. Захаревич А.В. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801-1802гг.). // Памяти Владимира Александровича Золотова. К 80-летию со дня рождения. Сб. статей. Ростов-на-Дону. РГПУ. 2002.
22. Захаревич А.В. Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны (1801-1804 гг.). Ростов-на-Дону. РГПУ. 2005.
23. Корягин С.В. Генеалогия и семейная история Донского казачества. Вып. 33: Борисовы и др. М. 2003.
24. ГАРО, ф. 344, оп. 1, д. 133.
25. РГВИА, ф. 482, оп. 1, д. 145.
26. ГАРО, ф. 341, оп. 1, д. 466.
27. Захаревич А.В. Участие донского казачества в экспедиции генерала С.А. Булгакова в Чечню в 1807 году. // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Пятигорск, 14-16 ноября 2008г. Пятигорск. ПГЛУ. 2009.
28. Захаревич А.В. Гаврила Васильевич Греков 8-й – пятый и последний походный атаман донских казаков на Кавказской линии в оборонительный период войны с горцами в 1801-1816 гг.??? // Рубикон. Вып. 56. Ростов-на-Дону. ЮФУ. 2010.
29. ГАРО, ф. 46, оп. 1, д. 271.
30. Калинин С.Е. Донское казачье войско в 1812-1814 гг. На правах рукописи. М. 2010.
31. Бессонов В.А., Попов А.И. Действия казачьих отрядов А.И. Быхалова и Н.А. Тимирова в 1812 году. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XI Всероссийской научной конференции. Бородино, 8-10 сентября 2003. Можайск. 2004.
32. Попов А.И. Дело под Медынью. // http://www.museum.ru/1812/Libraru/Mmnk/2002_14.html 13.02.2011, 15:33:37.
33. Иванов В.А., Бессонов В.А., Добычина М.А. Свод памятников и достопамятных мест Отечественной войны 1812г. на территории Калужской области. // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Материалы XII Всероссийской научной конференции 3-5 апреля 2007 г. Калуга. Изд-во «Полиграф-Информ». 2008.
34. Быкадоров Ис. Ф. Казаки в Отечественной войне 1812года. М.: Яуза, ЭКСМО. 2008.
35. Вороновский В.М. Отечественная война 1812г. в пределах Смоленской губернии. СПб. 1912.
36. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны в 1812 году. М.: Яуза, ЭКСМО. 2008.
37. Тикич В. Дмитрий Петрович Неверовский. //Герои 1812 года. Серия ЖЗЛ. М. Молодая гвардия. 1987.
38. Лашук Анри. Наполеон. Походы и битвы. 1796-1815 гг. М. ЭКСМО. 2004.
39. РГАДА, ф. 1406, оп. 1, д. 1028.
40. Анисимов Е.В. Генерал Багратион. Жизнь и война. Серия ЖЗЛ. М. Молодая гвардия. 2009.
41. Ястребцев Е. Юзефович, Дмитрий Михайлович.//Большая биографическая энциклопедия под ред. Половцева. // http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/133164%...11.02.2011, 23:33:50.
42. Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812г. малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М. РОССПЭН. 1999.
43. ГАРО, ф. 55, оп. 1, д. 210.
44. Бородино. Документальная хроника. Составители: А.М.Валькович, А.П. Капитонов. М. РОССПЭН. 2004.
45. Агафонов А.И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. Ростов-на Дону. ЮФУ. 2011.

46. Шведов С.В. Комплектование, численность и потери Российской армии в Отечественной войне 1812 года. Саратов. 2005. // all-referats.com>diploms/diplom-66731.html. 05.09.2011, 17:43:02.
47. Записки А.И. Михайловского-Данилевского: 1812 год.//Исторический вестник. 1890, № 10
48. Иловайский Григорий Дмитриевич. Генерал-майор. 1778-1847. //Донцы XIX века. Ростов-на-Дону. Изд-во «NB». 2003.
49. Российский М.А. Военно-исторические примеры к курсу тактики старшего класса военных училищ. Изд. 2-е. М. 1904
50. Журнал военных действий с 8(20) по 15(27) октября 1812 г. Комментарии. //Подмазо А.А. «Известия о военных действиях 1812-1814 гг. По материалам российской периодической печати. //http://www.museum.ru/1812/War/News_rus/izs087.html 16.02.2011, 16:07:08
51. Фадеев И. Было жарко под Медынью в октябре. // <http://www.vest-news.ru/article.php?id=11564> 16.02.2011, 16: 29: 30
52. Елисеев А.А. Кавалеры ордена Св. Георгия.// От Москвы до Парижа. Малоярославец. 1998.
53. Захаревич А.В. Пребывание под судом командиров донских казачьих полков на Кавказской линии в 1801-1805 гг.//Рубикон. Вып. 55. Ростов-на-Дону. ЮФУ. 2010.
54. Кибовский Александр. Трофейные кирасы Псковского драгунского полка. // Цейхгауз. 2000, № 10.
55. РГВИА, ф. 103, оп. 1, д. 8.